

С. И. Брук

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ КАРТОГРАФИРОВАНИЕ И ЕГО СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Широко применяемые этнографической наукой методы, основанные на непосредственном наблюдении и последующем описании объектов исследования, оказались недостаточными для познания этнических закономерностей. Необходимость переработки и обобщения растущего все более быстрыми темпами потока информации заставляет искать новые методы исследования. С этим связано внедрение в последние десятилетия в общественные науки математико-статистического и других методов.

Для этнографии, науки исторической, чрезвычайно важно изучать изменения тех или иных объектов и явлений во времени, выявлять динамику процессов развития. Для нее также существенен и территориально-пространственный аспект исследования. Народы расселены на определенных территориях, географическое положение которых и характерные для них природные условия оказывают существенное влияние на особенности развития материальной и духовной культуры; территориальные взаимоотношения различных народов определяют многие особенности их этнической истории. Изменчивость этнических явлений часто может быть объяснена лишь при изучении той географической среды, в которой живет и трудится человек. Этим в значительной мере объясняется факт все большего распространения в этнографии картографического метода.

Для этнографов карты длительное время служили лишь иллюстративным материалом, позволявшим нагляднее изобразить результаты изучения той или иной проблемы¹. Только в последние годы картографирование, особенно если оно учитывает динамику явлений, становится особым методом этнографического исследования, при котором, используя статистические и другие массовые данные, можно выявить изменения различных объектов и явлений в пространстве и во времени. Сохраняя таким образом все достоинства математико-статистического метода, картографирование позволяет выявить многие причинные связи, другими методами трудно уловимые. Его можно отнести к эвристическим методам, так как в результате картографирования обнаруживаются новые проблемы, требующие исторического объяснения. Метод картографирования внедрился настолько глубоко, что сейчас трудно найти этнографическую монографию или другую работу без карт, которые, как правило, не только иллюстрируют исследуемое явление, но и позволяют глубже его анализировать.

Этнографические карты можно разделить на: 1) этнические карты, характеризующие расселение народов в прошлом и настоящем, и 2) историко-этнографические карты, отражающие на разные периоды различные стороны жизни народов, характерные черты их традиционной мате-

¹ См.: С. И. Брук, В. И. Козлов, Основные проблемы этнической картографии, «Сов. этнография», 1961, № 5.

риальной и духовной культуры, а также формы общественного быта². В настоящей статье мы остановимся лишь на проблемах, связанных с составлением историко-этнографических карт и атласов.

Первые историко-этнографические карты составлялись упрощенными способами и были посвящены показу распространения отдельных элементов народной культуры. С середины XIX в. картографирование как вспомогательный иллюстративный прием стало практиковаться в этнографических исследованиях довольно широко. В конце XIX в. появились первые историко-этнографические атласы, довольно примитивные по способу составления карт и их содержанию.

В конце XIX—начале XX в. в промышленно развитых, а в 1920—1930-х годах и в остальных странах Европы быстро начали исчезать элементы традиционной народной культуры. Процессы урбанизации и индустриализации, замена в сельском хозяйстве ручного труда машинами, промышленное строительство жилищ, стандартизация одежды совершенно преобразили культуру и быт сельского населения, которое в основном и являлось в то время объектом этнографического изучения. Все эти процессы особенно ускорились после окончания второй мировой войны, когда в результате научно-технической революции началось активное нивелирование основных элементов городской и сельской культуры в различных странах.

Многие известные этнографы³, обеспокоенные возможной утратой важнейших источников изучения традиционной культуры, неоднократно призывали этнографические учреждения изменить методику исследований, начать сбор массовых материалов во всех регионах той или иной страны (т. е. перейти к сплошному этнографическому обследованию ее территории), чтобы обеспечить возможность составления национальных историко-этнографических атласов.

Планомерная работа по составлению историко-этнографических атласов началась в 1920-х годах в Центральной и Северной Европе (Германия, Швейцария, Финляндия, Швеция и др.). Рамки ее значительно расширились после окончания второй мировой войны, охватив страны Восточной Европы и СССР. Сейчас историко-этнографическим картографированием занимаются во всех странах Европы (за исключением, может быть, Франции и Испании, где делаются лишь первые шаги в этой области). Во многих странах уже вышли в свет первые выпуски атласов, а польские ученые, например, в ближайшие годы планируют завершить издание десяти выпусков, посвященных основным элементам материальной и некоторым элементам духовной культуры⁴. Особенно успешно идет работа там, где имеются специальные центры этнического картографирования (СССР, Польша, Югославия, ФРГ, Австрия, Швейцария).

² Деление это условное, так как на историко-этнографические карты часто наносят границы расселения народов, а на этнических — показывают распространение тех или иных элементов культуры.

³ К ним, в первую очередь, относятся К. Мошинский (Польша) — автор капитального атласа народной культуры Польши; С. Эрикссон (Швеция) — первый председатель Комиссии по этнологическому атласу Европы и сопредельных стран; Б. Братанич (Югославия) — нынешний председатель этой комиссии; П. И. Кушнер (СССР) — руководитель работ по созданию первых выпусков историко-этнографического атласа «Русские».

⁴ Подробнее о ходе работы над историко-этнографическими атласами в различных странах см. статьи в журнале «Сов. этнография»: С. И. Брук, М. Г. Рабинович, Историко-этнографические атласы, 1964, № 4; С. И. Брук, С. А. Токарев, Проблемы составления Европейского историко-этнографического атласа (по материалам конференции в Загребе 7—10 февраля 1966 г.), 1966, № 5; их же, Международная конференция по этнографическому атласу Европы и сопредельных стран, 1968, № 5; С. И. Брук, Г. С. Маслова, Проблемы историко-этнографического картографирования в Болгарии, 1969, № 4; С. И. Брук, Общеввропейский историко-этнографический атлас (по материалам конференции в Хельсинки), 1970, № 6. См. также: С. И. Брук, Проблемы складания историко-этнографических атласов, «Народна творчѣсть та етнографія», 1966, № 4.

Однако даже в этих странах работа над национальными атласами еще далека от завершения. Историко-этнографическое картографирование связано с огромными затратами труда и средств. В отличие от обычного выборочного этнографического изучения здесь требуется сплошное обследование, приуроченное к мелким административным или каким-либо другим территориальным единицам. Кроме того в понятие «традиционная народная культура» входит все, что относится к хозяйству населения, к материальной и духовной культуре и общественным отношениям. Чтобы охарактеризовать достаточно подробно все эти аспекты, необходимо составить многие десятки и сотни карт (так, в соответствии с проспектами в югославском, польском, венгерском и некоторых других атласах будет по 500—800 и более карт). Первые три выпуска атласа «Русские», посвященные характеристике лишь некоторых элементов материальной культуры (сельскохозяйственные орудия, жилище и одежда), включают 71 карту большого формата. В составляемом сейчас атласе Украины, Белоруссии и Молдавии по этим темам намечено дать уже около 150 карт. Учитывая трудности составления сводного историко-этнографического атласа по такой огромной и сложной в национальном отношении стране как СССР, советские ученые на первых порах сконцентрировали свои усилия на составлении региональных атласов по основным разделам материальной культуры и хозяйства (кроме вышедших в свет атласов по коренным народам Сибири и русским, готовятся уже упоминавшийся атлас Украины, Белоруссии и Молдавии, а также атласы Прибалтики, Кавказа, Средней Азии и Казахстана).

В ближайшие годы намечено провести картографирование элементов традиционной культуры народов Поволжья и Европейского Севера СССР, а также русского населения Сибири. Кроме того, предполагается расширить тематику историко-этнографического картографирования, включив некоторые элементы духовной культуры, в первую очередь обряды. Региональные атласы послужат основой для составления сводного этнографического атласа СССР, но это дело не близкого будущего.

* * *

Работа по подготовке историко-этнографических атласов не может проводиться изолированно, без учета того, что делается в других странах, особенно в соседних. Каждый исследователь или научный коллектив заинтересован в обмене опытом, в возможности сопоставления материалов. В ходе длительного исторического развития произошло взаимопроникновение и смешение элементов культур разных народов, и границы их распространения часто не совпадают ни с этническими, ни с политическими границами. Вот почему национальные атласы приобретут значительно большую научную ценность, если будут составляться по единой согласованной программе. В этом случае можно будет составлять карты по более крупным историко-этнографическим областям, объединяющим территории нескольких государств.

Вопрос о координации исследований по историко-этнографическому картографированию был поставлен учеными различных стран еще много лет назад, когда только начиналась работа над национальными атласами. Выдвигались проекты создания сводных атласов: Центральной Европы, Северной Европы, общеславянского и, наконец, общеевропейского.

В 1953 г. в Намюре (Бельгия) для координации работ по составлению национальных атласов и для руководства подготовкой сводных картографических трудов, охватывающих всю Европу, была создана (или скорее воссоздана)⁵ Постоянная международная комиссия по этнологиче-

⁵ Эта комиссия была образована известным шведским ученым Сигурдом Эриксоном еще в 1938 г., однако в связи с тем, что вскоре началась вторая мировая война, она к работе не приступила.

скому атласу Европы и сопредельных стран. Эта комиссия регулярно созывает общеевропейские конференции по методике историко-этнографического картографирования⁶. На них обсуждаются программы работ по национальным атласам, намечаются темы первоочередных работ, разрабатываются международные анкеты по различным аспектам народной культуры (виды пахотных орудий, орудия уборки урожая, материал, применяемый для сооружения стен жилых построек, обычаи зажигания ритуального огня и т. д.). Печатаются «Доклады»⁷ со стенографическими отчетами этих конференций, а также с сообщениями о работе по созданию национальных атласов в странах Европы. Эта координационная работа приобрела систематический характер с 1964 г., когда в рамках VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук (МКАЭН), проведенного в Москве, работал симпозиум по методике историко-этнографического картографирования.

В результате многолетнего сотрудничества ученых различных стран определены некоторые общие принципы и методы работы, согласованы многие вопросы методологического характера, по общим программам начинает издаваться серия «Подготовительные материалы к этнологическому атласу Европы и сопредельных стран»⁸. Главный результат этого сотрудничества, однако, состоит в повсеместном пробуждении интереса к историко-этнографическому картографированию, в приобщении к этой работе специалистов многих стран, ранее подобными исследованиями не занимавшихся. Охарактеризованное выше направление в этнографических исследованиях стало одним из главных почти во всех странах Европы.

Вместе с тем необходимо со всей определенностью сказать, что по многим важнейшим вопросам пока еще не удалось прийти к единой точке зрения. Существенные разногласия имеются даже по вопросу о целях и задачах историко-этнографического картографирования. В результате уже опубликованные выпуски национальных атласов резко различаются по содержанию и по методу исполнения. Много об этом говорилось на четвертой международной конференции по этнологическому атласу Европы и сопредельных стран, состоявшейся в Стокгольме 17—21 июля 1972 г. Основная часть времени на конференции была посвящена дискуссии по важным нерешенным проблемам историко-этнографического картографирования. В частности обсуждался вопрос о соотношении общеевропейского и национальных атласов, в связи с чем выдвигались предложения о необходимости идентификации географических основ обоих типов атласов, о выработке единой методики сбора материалов и способов картографирования. Вместе с тем выступавшие отмечали неправомерность применения одинаковой методики при этническом картографировании в малых и крупных странах. Однако главные споры развернулись по вопросу о динамическом показе явлений и объектов народной культуры. И, как уже указывалось, много внимания было уделено проблемам, возникающим из-за несопоставимости в общеевропейском масшта-

---

⁶ 1-я такая конференция состоялась в 1966 г. в Югославии, 2-я — в 1968 г. в ФРГ, 3-я — в 1970 г. в Финляндии, 4-я — в 1972 г. в Швеции. Подробно о работе первых трех конференций см. уже упоминавшиеся статьи в журнале «Сов. этнография» (1966, № 5; 1968, № 5; 1970, № 6).

⁷ «Bericht, herausgegeben in Auftrag der Ständigen Internationalen Atlaskommission»: 1 — «Erste Internationale Arbeitskonferenz über die ethnologische Kartographie», Zagreb, 1968; 2 — «Zweite Internationale Arbeitskonferenz über die ethnologische Kartographie», Bonn, 1970; 3 — «Dritte Arbeitskonferenz (Helsinki) der Organisationskommission für den Volkskundatlas Europas und seiner Nachbarländer», Bonn, 1972.

⁸ Подробнее об этой серии см.: С. И. Брук, Указ. раб., стр. 97.

бе материалов, публикуемых в различных национальных историко-этнографических атласах⁹.

В чем корень всех этих споров и расхождений?

Впервые различные точки зрения на задачи историко-этнографического картографирования были высказаны на упомянутом выше симпозиуме (УИ МКАЭН). Во вступительном докладе М. Г. Рабинович и автор настоящей статьи следующим образом сформулировали задачи составителей атласов: «Историко-этнографические атласы являются одним из важнейших видов обобщающих работ, суммирующих достижения этнографической науки и вводящих их в наиболее доступной форме в научный оборот... Картографирование само по себе отнюдь не является только более наглядным методом выражения результатов изучения того или иного вопроса. Это — особый вид научного исследования. Оно не только фиксирует распространение тех или иных явлений, но и ставит перед учеными новые проблемы, связывая изучаемый предмет с факторами социально-экономическими, хронологическими, географическими... В атласе могут быть четко показаны и общие черты, свойственные той или иной группе народов или историко-этнографической области, и особенности каждого народа, и этнические группы внутри народа, и развитие материальной и духовной культуры»¹⁰.

Здесь дано определение главной задачи этнографического картографирования — обобщение и систематизация накопленных материалов с целью использования их для решения важных проблем, связанных с этнической историей, этногенезом, историей культуры. Вместе с тем не отрицается и другая задача — фиксация элементов традиционной материальной и духовной культуры и выявление ареалов их распространения. При этом, однако, должны быть показаны и те изменения народной культуры, которые вызваны урбанизацией, индустриализацией и другими историческими факторами; иными словами, должна быть дана характеристика традиционной культуры за длительный период и в том числе ее современное состояние.

Историко-этнографические атласы должны служить базой для дальнейших исследований, стать пособием для специалистов смежных наук (истории, археологии, лингвистики и др.), содействовать использованию прогрессивных народных традиций. Вообще, необходимо отметить, что едва ли не самая важная проблема современной этнографии — соотношение традиций и инноваций, — может быть правильно решена лишь при анализе пространственного и временного распространения тех и других, т. е. при сравнении карт, составленных на разные хронологические рубежи («карты регрессии», на которых показывается постепенное исчезно-

⁹ Поскольку работа этой конференции в печати не освещалась, кратко остановимся на ее итогах. На конференции присутствовало 33 делегата из всех стран Европы. Впервые приехали ученые из Испании, Франции и Албании. Организаторы заранее разослали во все европейские страны тщательно разработанные вопросники по нескольким темам общеевропейского атласа (пахотные орудия; ритуальные огни; орудия уборки урожая; материал, применяемый для сооружения стен жилых построек; жир, употребляемый в пищу). Была экспонирована выставка привезенных из разных стран материалов (главным образом карты) по этим темам. Делегаты из большинства стран представили письменные сообщения о ходе работы над национальными атласами. На конференции были заслушаны доклады: Т. Хегерштранда (Швеция) — «Этнографические карты как инструмент анализа», М. Цендера (ФРГ) — «Проблемы составления карт ритуальных огней», С. И. Брука (СССР) и Е. Барабаша (Венгрия) — «О принципах составления карт жилых строений», О. Хёрупа (Дания) — «О картах орудий уборки урожая», Б. Братанича (Югославия) и И. Воскуила (Голландия) — «Картографирование распространения рождественской зелени», и др. Выступая в дискуссии, И. Креймер (Австрия), Г. Клеес (Люксембург), Г. Вигельман (ФРГ), С. Ковачевичева (Чехословакия), И. Гаек (Польша) и другие ученые отметили недостатки макетов карт для общеевропейского атласа, которые в ряде случаев составляются без учета динамики развития. Все они указывали, что большую научную ценность будут иметь лишь карты, составленные не менее, чем на два-три хронологических рубежа.

¹⁰ «Труды VII МКАЭН», т. 8, М., 1970, стр. 511.

венные тех или иных явлений, — самое наглядное свидетельство уменьшения роли определенных традиций).

Картографирование широко и эффективно применяется и в археологии. Вспомним, например, что ареалы расселения древнерусских племен были установлены А. А. Спицыным путем картографирования распространения украшений. Пожалуй, наиболее последовательно принцип картографирования применяется при создании «Свода археологических источников СССР». В «хронологическом» и «географическом» принципах построения Свода¹¹ отражено стремление выявить не только пространственное размещение явлений древней культуры, но и динамику их развития.

На важное научное значение картографирования для изучения динамики языковых процессов указывал В. М. Жирмунский: «Диалектологическая карта вскрывает динамику социально-лингвистического процесса, смешение языковых границ, языковые напластования различной древности и тем самым подводит нас к конкретной истории языка данной территории»¹². Все, что здесь сказано о диалектологических (или лингвистических) картах, в полной мере может быть отнесено и к историко-этнографическим картам.

При издании первых выпусков этнографических атласов, подготовленных в некоторых странах Центральной Европы в 1920—1930-х годах, ставились лишь ограниченные цели: показать распространение отдельных элементов народных праздников, верований и некоторых других сторон культуры, сохранившихся к моменту картографирования. В настоящее время в большинстве стран основной задачей историко-этнографических атласов считается воссоздание исторической картины народной культуры. Против этой, хотя и расплывчатой, формулировки возражать трудно. Однако некоторые ученые, уточняя ее, считают, что атласы должны главным образом фиксировать разнообразные элементы культуры доиндустриального периода. В связи с этим они уделяют явно недостаточное внимание (а иногда даже вовсе отрицают необходимость такого подхода) показу явлений культуры в динамике и их количественному анализу.

Характерно в этом отношении выступление Б. Братанича на упомянутом выше симпозиуме. По его мнению, «необходимо привести все содержащиеся в картах данные к общему знаменателю, чтобы достичь основной цели каждого атласа и каждой этнологической карты — сравнимости рассматриваемых явлений. Таким знаменателем может быть только старая культура народов (до развития промышленности — «доиндустриальная культура»). Формы этой культуры образуют некоторые исторически возникшие комплексы, которые, однако, стоят более или менее на одном уровне. Этот общий уровень позволяет сделать при сравнении определенные научные выводы... Так как картографическое исследование прежде всего преследует историческую цель, социологический и психологический аспекты будут затронуты только выборочно. А поскольку речь идет не о всесторонних результатах исследования, не следует прилагать к атласу археологические, исторические (в узком смысле слова) и географические карты...»¹³.

Короче говоря, основа разногласий между учеными кроется в различном понимании основной цели картографирования: одни видят главное в разработке этнографических проблем, другие — в фиксации уходящих явлений. В связи с этим многие принципиальные вопросы историко-этнографического картографирования (выбор основной территориальной единицы, отбор первоочередных объектов для исследования,

¹¹ Б. А. Рыбаков. О корпусе археологических источников СССР, М., 1957, стр. 5.

¹² В. М. Жирмунский, Методика социальной географии (диалектология и фольклор в свете географического исследования), сб. «Язык и литература», т. 8, М.—Л., 1931, стр. 84.

¹³ «Труды VII МКАЭН», т. 8, М., 1970, стр. 519—520.

характер использования материалов и методы их сбора, способы показа явлений на картах, типологизация явлений и учет количественных показателей при картографировании) также решаются представителями двух указанных направлений по-разному (первое условно можно назвать динамическим, второе — статическим)¹⁴.

Остановимся в первую очередь на рассмотрении понятия «доиндустриальный период». Это понятие, видимо, уходит корнями в романтические представления этнографии и фольклористики периода зарождения этих наук (первая половина — середина XIX в.), когда некий «неподвижный» мир народной культуры начал быстро трансформироваться под влиянием развития капиталистических отношений и роста промышленности. На самом деле капитализм лишь ускорил процессы, имевшие место на всем протяжении человеческой истории (если бы мы располагали массовыми данными по более древним периодам, то увидели бы непрерывную смену явлений культуры).

Трудно говорить о каком-то определенном периоде, когда началось разрушение традиционной народной культуры. В Англии это произошло в XVIII в., в Восточной Европе — в середине или конце XIX в. Даже в отдельных странах влияние индустриализации на культуру не было одинаковым в различных областях. В Поволжье, на Северном Кавказе и на юге Украины проникновение капиталистических отношений оказывало на народную культуру совсем иное влияние, чем, скажем, в центральных областях России. На юге Италии социально-экономические изменения происходили значительно позже, чем на севере. Поэтому положение о том, что все элементы народной культуры должны быть показаны на картах по их состоянию на конец так называемого доиндустриального периода, представляется нам по меньшей мере хронологически неопределенным.

Следует также отметить, что индустриализация оказывает на различные элементы культуры далеко не одинаковое влияние. Некоторые из них более жестко детерминированы социально-экономическими и природными условиями, другие — менее жестко. В области материальной культуры это влияние проявляется сильнее и нередко носит прямой характер, в области духовной культуры отражается слабее и чаще всего опосредствованно. Многими исследователями отмечена большая «консервативность» некоторых элементов культуры, долго сохраняющихся почти неизменными, несмотря на коренные преобразования в социальном строе и экономике. Культура развивается под влиянием различных факторов (социального строя, хозяйственного уклада, миграций населения, географических условий и др.), сочетание которых формирует так называемую этническую традицию; последняя нередко устойчиво сохраняется даже тогда, когда изменяются породившие ее условия¹⁵.

Из всех элементов материальной культуры наиболее тесную и прямую связь с процессом индустриализации обнаруживают сельскохозяйственные орудия: с развитием машинного производства происходит довольно быстрая и радикальная смена большинства орудий, употребляемых в сельском хозяйстве. Может быть, именно этим объясняется то обстоятельство, что сторонниками введения понятия «доиндустриальный период» являются прежде всего специалисты в области агроэтнографии. Однако, исследователя должна интересовать не столько географическая локализация орудий, изготовленных ручным способом, сколько сочета-

¹⁴ Мы не рассматриваем здесь конкретные направления этнографического картографирования в каждой из стран Европы. Укажем лишь, что последовательными сторонниками первого направления можно считать ученых СССР, Польши и Чехословакии, второго — Югославии и ряда стран Центральной Европы.

¹⁵ Значению этнических традиций в истории развития элементов материальной культуры (на примере сельскохозяйственных орудий) посвящена длительная дискуссия в журнале «Сов. этнография» (см: №№ 1, 3, 6 за 1967 г., № 6 за 1968 г., №№ 1, 3, 5 за 1971 г., № 4 за 1972 г.).

ние разных типов орудий на определенной территории, постепенная замена одних орудий другими, изменение ареалов распространения орудий и выявление причин, вызвавших эти изменения.

Народная одежда относится обычно к устойчивым элементам материальной культуры. Она считается одним из важных и характерных этнических признаков и часто служит источником для построения тех или иных этногенетических гипотез. Вместе с тем, она больше, чем многие другие элементы материальной культуры, отражает взаимосвязи и взаимовлияния народов. Типы одежды начали особенно быстро меняться в период развития капиталистических отношений и фабрично-заводского производства, а также с усилением и расширением международных экономических связей (мы не касаемся здесь изменений в одежде, связанных с модой).

Значительно более консервативно жилище, типы которого во многом зависят от местных физико-географических условий и наличного строительного материала (конечно, в разных социально-экономических условиях факторы эти действуют по-разному). В некоторых районах Западной Европы до настоящего времени существуют типы жилища, главным образом каменного, мало изменившиеся за последние два-три столетия (например, так называемые средиземноморский, альпийский и франконский дома Южной и Центральной Европы)¹⁶. В то же время типы деревянного и тем более глинобитного жилища Восточной Европы в последние десятилетия меняются очень быстро. Ученых в первую очередь должна интересовать эволюция жилища, изменение ареалов тех или иных его типов, а не фиксация распространения отдельных элементов жилища в каком-то условном периоде (до применения индустриальной техники), одновременно не только в различных странах, но и в разных районах одной и той же страны.

Отчетливее всего выявляется необходимость учета динамики явлений при картографировании элементов духовной культуры. Возьмем к примеру готовящуюся к печати Постоянной международной комиссией по этнологическому атласу сводную карту обычаев зажигания ритуального огня¹⁷. Поскольку эти обычаи меняются, например, в связи со сменой религии в том или ином районе и т. п., выяснить какие-либо закономерности в их распространении можно лишь при условии составления серии четко датированных карт, учитывающих различные исторические факторы.

Приведенные примеры достаточно убедительно свидетельствуют о том, что все явления следует стремиться показать в историческом развитии от момента их возникновения до современного состояния. Это совсем не означает необходимости составления карт на большое число хронологических периодов. Эти периоды, разные для каждой страны, должны быть выбраны так, чтобы полученные материалы были сопоставимы по всей картографируемой территории; кроме того, они должны быть достаточно велики, охватывая такой промежуток времени, на протяжении которого произошли заметные исторические изменения в размещении элементов народной культуры¹⁸. Следует также учитывать возможность получения массового и весьма подробного материала, необходимого для составления крупномасштабных карт; здесь идеальные исторические цели нередко вступают в противоречие с реальными возможностями.

¹⁶ Некоторые типы средиземноморского жилища сохраняются без изменений почти с античных времен.

¹⁷ Эта карта печатается сейчас (вместе с большим пояснительным текстом) в Бонне (ФРГ) в серии «Подготовительные материалы к этнологическому атласу Европы и сопредельных стран».

¹⁸ И здесь мы встречаемся с определенными трудностями, так как эти изменения у разных элементов культуры происходят в различном темпе.

Исходя из указанных выше положений, а также из многолетнего опыта картографирования, целесообразно выделить следующие рубежи для составления карт: 1) середина XIX в.; 2) конец XIX — начало XX в.; 3) середина XX в.¹⁹ Для первого рубежа еще характерно сохранение традиционных форм материальной культуры в сельской местности большинства стран Европы; для второго — более или менее глубокое проникновение элементов капиталистической экономики и форм городской культуры в деревню, а также деформация традиционных элементов культуры; третий рубеж — современное состояние традиционной культуры. Понятно, что культуру трех намеченных рубежей невозможно отразить на картах одинаково детально. Это связано, с одной стороны, с отсутствием достаточно подробных и полных материалов для первого рубежа, с другой, — сравнительно далеко зашедшей нивелировкой элементов традиционной культуры на современном этапе. Поэтому в большинстве атласов, в которых явления культуры показываются в динамике (в том числе во всех атласах, изданных или готовящихся к изданию в СССР), основным является второй рубеж (конец XIX — начало XX в.), так как по этому периоду еще могут быть собраны массовые сведения от информаторов²⁰; кроме того, значительная часть музейных коллекций и архивных этнографических материалов также относится к этому времени. Не все явления культуры первого периода удастся детально картографировать, поэтому приходится идти на уменьшение масштаба карт или их схематизацию (часто характеристика более ранних форм культуры может быть дана только в тексте и таблицах). Что касается третьего периода, то в одних случаях современное состояние элементов народной культуры может быть показано на небольших врезках к основным картам конца XIX — начала XX в. (например, ручные сельскохозяйственные орудия, которые сейчас почти полностью заменены машинами), в других — на отдельных картах, фиксирующих, какие именно традиционные элементы культуры распространены в настоящее время (например, одежда), в третьих — полным набором карт, характеризующих изменения народной культуры, происшедшие с середины XIX в. до наших дней (например, жилище, ремесла и т. д.)²¹.

Несколько по-другому отражается динамика на картах историко-этнографического атласа Польши. Исследование всех явлений и объектов материальной и духовной культуры производится примерно за последние 100 лет — начиная с 1860 г. Источники более раннего времени принимаются во внимание только в том случае, если они достаточно точны и многочисленны, или же, если они обогащают этногенетические исследования новыми существенными данными и помогают решить проблему эволюции и распространения различных культурных элементов. Заранее не выделяются определенные рубежи для составления карт. Ставится лишь задача наиболее точного отражения изменений любого культурного явления, от его возникновения до исчезновения. Периодизация изменений в народной культуре производится лишь после

¹⁹ Совершенно ясно, что середина XIX в. (как и другие даты) указывается здесь условно. Синхронный срез не должен пониматься как моментальный; обычно при картографировании допускаются довольно широкие временные отклонения в 10—15 лет до и после этого рубежа.

²⁰ Необходимо отметить, что даже и на начало XX в. становится все труднее получать сведения от информаторов. По сообщению М. Цендера, сделанному на конференции в Стокгольме, число ответов на вопросники по агроэтнографии и характеристике форм народной жизни непрерывно падает. Если на первый выпуск вопросника, разосланный в 1966 г., было получено 3220 ответов, то на четвертый выпуск (1970 г.) получено только 1100 ответов. Все меньшее число людей может сообщить сведения о явлениях, бытовавших 70 и более лет назад.

²¹ Кроме указанных выше преимуществ, наличие нескольких карт, посвященных одному сюжету, но составленных на разные периоды, облегчает интерполяцию и экстраполяцию, что важно, если по многим районам отсутствуют данные о распространении тех или иных элементов культуры.

составления большого числа карт по самым разнообразным сюжетам. Такая методика, имеющая много привлекательного, вызывает и ряд возражений. Не всегда, более того — очень редко, удается точно фиксировать время появления и исчезновения различных типов и вариантов явлений культуры. Изменения в культуре отрываются от определенных рубежей, связанных с коренными социально-экономическими преобразованиями. И, наконец, нельзя не указать на трудность анализа огромного числа карт, приуроченных к самым разнообразным датам.

На картах, составленных разными методами, но учитывающих динамику развития элементов культуры, в общих чертах можно проследить этот процесс, начиная примерно с середины XIX в. Но это все же совершенно недостаточно для объяснения многих явлений. Необходимы сведения и по более ранним периодам, а также некоторые сводные данные о стране и населении.

Такую задачу выполняют в настоящее время тексты атласов, которым сторонники динамического направления в картографировании придают важное самостоятельное значение (в большинстве зарубежных атласов эти тексты играют подсобную роль и представляют собой лишь комментарии к картам).

Сейчас все большее число исследователей начинает убеждаться в необходимости составления специальных вводных выпусков, которые должны дать представление о природных и исторических условиях развития народов, т. е. содержать материал (в том числе и карты) о географической среде (рельеф, почва, растительность), этническом, лингвистическом и религиозном составе населения в историческом аспекте, некоторых демографических показателей (плотность населения, распределение его на сельское и городское, миграции и т. д.). Не менее важная задача этих выпусков — показ своеобразия культуры предшествующих эпох по данным археологии, лингвистики и письменных исторических источников²². Так, например, совершенно очевидно, какое большое значение имеет изучение древнерусского жилища или сельскохозяйственных орудий для понимания закономерностей их развития в последующие эпохи.

Динамический показ явлений на картах будет неполным, если отсутствуют количественные характеристики распространения каждого из них. Ареалы распространения многих этнографических объектов и явлений пересекаются, на каждой конкретной территории возникает определенное сочетание разных типов и форм культуры, которое изменяется в ходе исторического развития. Этнографические явления, бытующие в данном ареале примерно в равном соотношении с другими, с течением времени могут превратиться в единичные или, наоборот, стать преобладающими.

Количественные показатели, учитывающие удельный вес явлений, степень их доминантности, в зависимости от состояния источников, необходимости большей или меньшей детализации, а также технических возможностей (которые, в свою очередь, зависят от числа одновременно картографируемых явлений и масштаба карт) могут быть даны на карте в упрощенной форме («преобладающие», «бытующие», «единичные» или «редко встречающиеся» явления, показываемые значками различных размеров) или в более детальном виде (например, в процентах). Преобладающими обычно принято считать явления, частота распростра-

²² К сожалению, необходимость таких вводных разделов не была достаточно ясна составителям первых этнографических атласов, вышедших в свет в различных странах. Так, во вводной части капитального историко-этнографического атласа «Русские» (М., 1967), состоящего из трех выпусков, помещено всего четыре карты: этническая (на конец XIX — начало XX в.), карты растительности, почв и административная. Сейчас по описанной выше широкой программе собираются материалы для специальной вводной публикации к нескольким региональным атласам, которая охватит всю территорию Европейской части СССР (без Кавказа).

нения которых в данном районе превышает 75%, бытующим — от 25 до 75%, редко встречающимися — менее 25%²³.

Составляя карты для разных исторических периодов, а также вводя в каждую из них количественные показатели, мы тем самым анализируем исследуемое явление в диахронном (стадиальном) и синхронном аспектах. Такой комплексный подход позволяет не только всесторонне изучить культуру и быт народов, но и объяснить процессы культурно-бытовых изменений²⁴.

Для составления историко-этнографических карт могут применяться различные способы картографирования (значковый, способ ареалов, качественного фона и др.), причем выбор способа обусловлен конкретными задачами составляемой карты, а также исходными материалами, которые находятся в распоряжении составителя. Существенное значение имеет и масштаб карты.

Очень большое влияние на выбор способа составления карт оказывает также сам подход к задачам историко-этнографического картографирования. Странники статического направления заинтересованы в первую очередь в детальной фиксации каждого элемента культуры; они не ставят перед собой цель обобщить материалы, выделить типы или комплексы тех или иных явлений и объектов. Поэтому они ограничиваются в основном несложными картами, которые составлены значковым способом. Практически большинство таких карт представляют собой картограммы, на которых территория той или иной страны делится на квадраты, и в центре каждого квадрата ставится значок, указывающий на преобладающее в соответствующей местности явление. Мало чем отличаются от них и карты, составленные по способу ареалов, на которых отмечаются границы максимального распространения тех или иных элементов и явлений. Иногда на одной и той же карте распространение одних элементов культуры (более общих) показывается способом ареалов, других (более частных) — значками.

Значковый способ и способ ареалов широко применяются и сторонниками другого, динамического направления. Однако на составляемых ими картах величиной значка дается количественная оценка явления (в некоторых квадратах или других территориальных единицах картографирования²⁵ ставится поэтому по два-три значка различных раз-

²³ Таким образом, в каждом районе могут встречаться следующие сочетания явлений: преобладающее и бытующее; преобладающее и редко встречающееся; два бытующих и редко встречающееся; два бытующих.

²⁴ Сравним для примера две карты из атласа «Русские», на которых показано распространение типов печей. Из карты, относящейся к середине XIX в., видно, что в большинстве районов Европейской России в это время господствовала русская курная печь без дымохода. Лишь в районах капиталистического освоения (Северный Кавказ, Заволжье и Урал) преобладала русская печь с дымоходом; она вытеснила также курную печь в старых промышленных районах — Московском и Петербургском. Печь с дымоходом бытовала наряду с курной и вблизи крупных городов; она изредка встречалась кроме того, во многих других уездах описываемого региона. В общем итоге курная печь преобладала в 138 уездах, а печь с дымоходом — в 53.

Положение коренным образом изменилось к концу XIX — началу XX в. К этому времени уже не осталось ни одного уезда с преобладанием курной печи; лишь в четырех уездах (Олонекском, Пошехонском, Грязовецком и Чердынском) она продолжала бытовать наряду с печью с дымоходом; кроме того иногда она встречалась и в некоторых других отсталых районах. Повсеместно всецело господствовала русская печь с дымоходом. Вместе с тем во многих уездах значительное распространение получили новые типы печей («голландки», плиты и др.), в середине XIX в. встречавшиеся только в районах вокруг Петербурга. Таким образом, анализ распространения в синхронном и диахронном аспектах даже одного из элементов жилища позволяет в какой-то мере судить о степени социально-экономического развития различных районов Европейской России в разные периоды.

²⁵ Выбор территориальной единицы для картографирования зависит в первую очередь от размеров картографируемой страны (а, значит, и масштаба исследования) и характера материалов, которые используются для составления карт. При этническом картографировании малых стран (Люксембург, частично Голландия, Португалия, Шотландия) на карты наносятся данные по каждому крупному населенному пункту. Одна-

меров), а сплошной заливкой или штриховкой показываются районы преимущественного распространения этого явления. Однако в целом для карт обобщающих, на которых суммируются данные частных карт (обычно составляемых с помощью метода значков), более выгоден метод качественного фона. Его преимущества заключаются не только в большей наглядности, но и в возможности дать адекватную количественную оценку явления (наличие в каждом районе нескольких элементов показывается путем комбинирования полосок разного цвета, причем ширина этих полосок показывает удельный вес каждого элемента). В ряде случаев на одной карте сочетаются метод значков и метод качественного фона, когда заливкой или штриховкой показываются явления преобладающие или бытующие, а значками — единичные. Возможны и такие комбинации, при которых цветным фоном показываются главные элементы, а значками — второстепенные. Бывают и еще более сложные сочетания²⁶.

Выше уже говорилось, что динамику культуры можно выявить путем сопоставления карт, составленных на разные исторические периоды. Однако при картографировании одного или немногих элементов процесс развития можно весьма наглядно отразить и на одной карте, применяя способ динамических ареалов (по существу от него мало отличается и способ, когда на карте различными значками показываются одни и те же элементы, но на разные периоды). Наконец, есть и такие карты, на которых разными значками одновременно показывают и динамику и количественные взаимоотношения различных явлений. Однако эти карты, к сожалению, не отличаются большой наглядностью²⁷.

ко такой порядок можно считать скорее исключением, чем общим правилом. Значительно чаще страна делится на квадраты, в пределах которых отбираются для изучения наиболее типичные населенные пункты — один или несколько на каждый квадрат. Размер квадратов и количество опорных пунктов зависит от величины и детальности исследования (сторона квадрата в Швейцарии равна 10 км, в Финляндии, Венгрии, Швеции, Югославии, ФРГ, Австрии — 20 км, в Польше — 30 км); детальность исследований в разных странах даже при равных квадратах не одинакова, так как, например, в Австрии на каждый квадрат приходится десять опорных пунктов, в ФРГ — пять, а в Финляндии — только один. При применении условных квадратов в основу картографирования могут быть положены данные специальных экспедиционных исследований или же (что наиболее характерно для Центральной и Западной Европы) сведения, полученные от корреспондентов, которым посылают подробно разработанные вопросники (в последнем случае дополнительно создается более редкая контрольная сеть для сбора материалов путем полевых исследований).

В СССР и некоторых странах Восточной Европы в качестве основы для картографирования выбираются административные единицы. Они должны быть как можно более дробными (насколько это, конечно, позволяет масштаб атласа и статистика данного государства). Так, при составлении атласа «Русские» в основу картографирования положены уезды, а при подготовке более крупномасштабного и детального атласа Прибалтики — волости. Принятие за основу единиц административного деления позволяет использовать данные прежних исследований, а также материалы правительственной статистики и разного рода отчетов (все эти данные приурочены к определенным административно-территориальным единицам).

²⁶ Так, на карте «Орудия и способы молотьбы» (конец XIX — начало XX в.) из атласа «Русские» цветным фоном выделены районы преобладающего распространения цепов, катков и молотилок; бытование этих орудий и редко встречающиеся случаи показываются значками разных цветов и размеров. Другие способы молотьбы (хлестание о стойку, топтание ногами, а также молотьба скотом и телегами) отражены на карте черными значками.

На другой карте этого атласа — «Типы двора и связи жилых и хозяйственных построек (вторая половина XIX в.)» — распространение типов двора показано цветным фоном, а различные виды связей жилых и хозяйственных построек — значками.

²⁷ В качестве примера можно привести этнографические карты, помещенные в недавно опубликованной работе М. Цендера (M. Z e n d e r, Das Kölnische „Niederland“ in Gestalt und Sonderart seines Volkslebens, «Rheinische Vierteljahrsblätter», Hf. 1/4, Bonn, 1972). На отдельных из них одновременно показано распространение обычаев во времени (к началу XX в., к началу первой и к началу второй мировой войны), а также то, кто эти обычаи соблюдает («только старые люди», «многие», «все»).

В заключение рассмотрим, каким путем картографирование становится особым методом этнографического исследования, позволяющим выявлять изменения различных явлений и объектов в пространстве и во времени.

Работа над историко-этнографическими атласами состоит из нескольких этапов, причем с самого начала приходится сталкиваться с рядом серьезных проблем.

Не все темы, входящие в понятие «традиционная народная культура», могут быть охвачены картографированием, по крайней мере в ближайшей перспективе. Поэтому из огромного их числа выбираются те, которые имеют особое значение для решения этнографических и историко-культурных проблем. Избирательно приходится картографировать, например, явления духовной культуры, включающей безбрежное море самых разнообразных сюжетов (положительные знания, нравы, обычаи и обряды, связанные с хозяйственной, общественной и семейной жизнью, правовые нормы, различные виды народного изобразительного искусства, народной музыки и фольклора, религиозные верования и культы и т. п.).

Конечно, при выборе тем учитывается и возможность получения массовых достоверных материалов, а также то, насколько объекты и явления широко распространены в пределах картографируемых территорий.

В разных странах выбираемые для картографирования темы могут сильно различаться. Так, программа румынского историко-этнографического атласа намечает разработку следующих тем: поселения; крестьянские дворы; жилище; земледелие; животноводство; виноградарство; разведение и переработка технических культур; шелководство; пчеловодство; охота; рыбная ловля; ремесла; традиционные транспортные средства; пища; нравы и обычаи, связанные с рождением; похоронные обряды и обычаи; календарные обычаи и обряды; выборочно — иные обычаи и обряды²⁸.

В десяти выпусках польского атласа помещаются карты, посвященные земледелию; животноводству; поселениям, жилищу и хозяйственным постройкам; традиционным транспортным средствам; собирательству; рыбной ловле; обработке древесины и гончарному производству; пище и домашней утвари; одежде; нравам и обычаям, связанным с рождением и похоронами; свадебным обычаям и обрядам²⁹.

В региональном атласе Украины, Белоруссии и Молдавии, кроме уже готовящихся выпусков, посвященных народной земледельческой технике, жилищу и одежде, намечается работа по картографированию средств передвижения, промыслов и ремесел, пищи и домашней утвари, а также духовной культуры (обычаи и обряды, народное изобразительное искусство, словесный и музыкальный фольклор).

Материалы должны быть собраны так, чтобы можно было сравнить элементы народной культуры по их размещению, времени распространения, форме и функции. Для этого определяется постоянная опорная сеть из населенных пунктов, более или менее равномерно расположенных на местности, откуда эти сведения и получаются. Однако картографирование не может быть начато, пока собранный материал не подвергнется сравнительному анализу, классификации и интерпретации. Работа эта весьма ответственна, так как в ее результате должны быть определены предварительный список карт и их содержание³⁰.

²⁸ I. Vladutiu, *Prinzipien und Methoden zur Verwirklichung des Volkskundeatlas von Rumänien, (Auszug) «Zeitschrift für Volkskunde und Folklore», Bd. 16, Bukarest, 1971.*

²⁹ «Polski Atlas etnograficzny, zeszyt próbny», Wrocław, 1958.

³⁰ О важности и трудоемкости этой работы можно судить хотя бы по тому, что общее число вопросов в анкетах достигает многих тысяч (в Югославии — 13 тысяч), а число карт должно быть сведено к нескольким сотням.

Совершенно ясно, что работа, связанная с систематизацией изучаемых явлений, выделением их видов, типов или комплексов, может носить только предварительный характер; окончательная классификация явлений складывается после составления первого варианта карт. Тогда же уточняется и список карт, так как одни из них оказываются недогруженными, другие — перегруженными и т. д. При картографировании выявляются и пробелы исследования, для заполнения которых необходим дополнительный сбор материалов. Работа по типологизации материала для большинства карт заключается в объединении ряда элементов по форме или функциям. Так складываются карты типов сох, типов плуга, типов рала или, например, карты способов укладки снопов в поле, карты вертикального развития жилища и т. п. Однако все это карты элементарные, не несущие еще большой аналитической нагрузки. В конце каждого тематического выпуска обычно появляются обобщенные карты. Они являются результатом тщательного сопоставления всех элементарных карт, наложения одних ареалов на другие (например, карты типов жилого дома, комплекса женской одежды и т. п.)³¹.

Дальнейшая типологизация связана со сравнительной характеристикой самых разнообразных элементов культуры, выявлением общих закономерностей их распространения, определением границ между крупными культурными комплексами. Так, например, И. Гаеком, по материалам первых четырех выпусков Польского историко-этнографического атласа, содержащих 250 карт, была проведена макроклассификация народной культуры в Польше (автор оговаривает ее предварительный характер). Вся страна разделена им на две этнографические провинции — северо-западную и юго-восточную. Для первой характерно исчезновение старых форм, особенно в области материальной культуры, для второй же, напротив, — их устойчивость, сохранность реликтовых форм. Между двумя провинциями проходит обширная смешанная зона, в которой, наряду со старыми, встречаются также и новые явления. Провинции делятся автором на субпровинции, а последние — на этнографические районы³². Таким образом, мы здесь имеем, пожалуй, первый случай, когда этнографическая классификация крупного региона проводится не на основании субъективного обобщения накопленных фактов, а на строго научном анализе и интерпретации многочисленных ареалов распространения элементов культуры.

Вообще, надо отметить, что задачей любого картографирования (это касается и естественных и общественных наук)³³ является выделение ареалов. Характер этих ареалов (размеры, конфигурация, разорванность или компактность и т. д.) позволяет судить о глубине развития тех или иных историко-культурных процессов. Интересные закономерности могут быть выявлены при наложении одних ареалов на другие. В швейцарском атласе имеются вводные карты (народов, языков и диалектов, религий, рельефа и др.), выполненные на кальке; накладывая их на другие карты атласа, можно судить о связи различных элементов культуры с этносом, религией, физико-географическими условиями и т. п.³⁴ Весьма пер-

³¹ Во многих западноевропейских атласах выпуски не носят тематического характера. Мы уже писали (см. «Сов. этнография», 1970, 6, стр. 91), что, например, во втором выпуске австрийского атласа помещены карты, посвященные интерьеру жилища, печам, приспособлениям для хранения зерна, способам изготовления алкогольных напитков, крестьянскому наследственному праву. По такому же принципу была составлена программа немецкого атласа, и поэтому все шесть его выпусков, вышедших до второй мировой войны, содержат вперемежку карты по самым разнообразным элементам материальной и духовной культуры (см. H. Hagmann und E. Röhr, Atlas der Deutschen Volkskunde, Lieferung 1—6, Leipzig, 1937—1939). Понятно, что типологические карты в таких атласах почти нет.

³² Из сообщений И. Гаека на конференции в Стокгольме.

³³ См.: А. И. Толмачев, Основы учения об ареалах, Л., 1962.

³⁴ См.: С. И. Брук, С. А. Токарев, Проблемы составления Европейского историко-этнографического атласа.

спективно и сравнение ареалов распространения различных типов культуры.

В последнее время даже высказывается мысль о том, что картографирование есть часть ареальных исследований. Так, в предисловии к сборнику тезисов докладов и сообщений конференции «Ареальные исследования в языкознании и этнографии» говорится: «Ареальные исследования в языкознании (лингвогеография) и ареальные исследования в этнографии (этногеография) имеют тенденцию подняться над данными непосредственного полевого изучения отдельных частных явлений, отраженных в картах и атласах. Создание атласов является лишь первым, предварительным этапом ареальных исследований, конечная цель которых состоит в интерпретации ареалов (разрядка наша.— С. Б.)»³⁵. Следует однако предостеречь от слишком упрощенного использования ареалов для построения различных гипотез и теорий. В ряде случаев разные по значению явления могут иметь на карте одинаковые ареалы. Мало что даст наложение мелких ареалов по отдельным частным элементам культуры. Изучение и интерпретация ареалов эффективны лишь при сравнении типов культуры, распространенных на больших территориях.

В светской этнографической науке плодотворно разрабатывается учение о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях³⁶. Появились работы по характеристике этих типов и областей по многим регионам земного шара. Однако наибольшие успехи в развитии данной проблематики связаны с попытками картографирования, пока, к сожалению, только культурно-хозяйственных типов. В книге Н. Н. и И. А. Чебоксаровых, где впервые характеризуются хозяйственно-культурные различия по всем регионам земного шара, помещена схематическая карта «Хозяйственно-культурные типы мира в XV в.» (всего выделено 20 таких типов)³⁷. Значительно подробнее карта хозяйственно-культурных типов (на рубеже XIX—XX в.), приложенная к статье Б. В. Андрианова и Н. Н. Чебоксарова³⁸. На карте выделены 34 типа (а с подтипами — 47) и даны границы агроклиматических поясов, совпадающие в некоторых случаях с границами распространения хозяйственно-культурных типов.

До последнего времени разработка проблем историко-этнографического картографирования и проблематики, связанной с выделением хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей шла параллельными путями. Между тем конечной своей целью и те и другие исследования ставят этнографическую классификацию явлений народной культуры, первая — на микроуровне (в пределах стран и их частей), вторая — на макроуровне (в глобальном масштабе). Объединение усилий обоих этих направлений для решения таких сложных методологических проблем, как историческая хозяйственно-культурная типология, соотнесение всего мирового богатства хозяйственно-культурных явлений с конкретными народами и их культурно-этническими подразделениями, представляется весьма плодотворной.

³⁵ «Ареальные исследования в языкознании и этнографии» (тезисы докладов и сообщений), 9—12 февраля, Л., 1971; см. также: М. А. Бородин, Проблемы лингвистической географии (на материале диалектов французского языка), М.—Л., 1966.

³⁶ См.: М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, «Сов. этнография», 1955, № 4.

³⁷ Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова, Народы, расы, культуры, М., 1971 (карта составлена Л. А. Фадеевым и Я. В. Чесновым при участии авторов).

³⁸ Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования, «Сов. этнография», 1972, № 2 (карта составлена Б. В. Андриановым).

HISTORICAL-ETHNOGRAPHIC CARTOGRAPHY AND ITS PRESENT-DAY PROBLEMS

The cartographic method in ethnography is becoming ever more widespread. This method helps to shed light upon the variation of the objects of study both in space and in time. Work on compiling national historical-ethnographic atlases is being carried out on an extensive scale in most European countries; co-ordination is provided by a Permanent International Commission which has also set itself the aim of compiling a survey historical-ethnographic atlas of all Europe.

Despite co-ordination and the close collaboration achieved in the course of this work there still remain many important problems on which no unified point of view has yet been reached. Two main orientations may be distinguished in historical-ethnographic cartography. One of them, which we designate the dynamic orientation regards as the main goal the generalization and systematization of the accumulated data for the purpose of solving important problems in ethnic history, ethnogenesis, culture history. The other—static—orientation sees as the most important task the fixation of phenomena that are becoming extinct. Depending on the point of view, different decisions are made in solving all practical cartographical problems: the choice of basic territorial units, priority of research objects, methods of collecting and using data, methods of depicting phenomena on maps, their typology and, particularly, the dynamic versus the static depiction of phenomena and the role of quantitative indices.

In conclusion the final aim of historical-ethnographic cartography is formulated as the analysis and interpretation of cultural areas. It is suggested that the concept of economic-cultural types and historical-ethnographic regions that are being elaborated by Soviet researchers ought to be further developed in close interconnection with the problems of historical-ethnographic cartography.
